
Марта Сокол
Обещанная духу зимы

Румперия. Дыхание магии

Марта Сокол

Обещанная духу Зимы

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сокол М.

Обещанная духу Зимы / М. Сокол — «Эксмо», 2026 — (Румперия. Дыхание магии)

ISBN 978-5-04-257215-17

Тридевятое царство замерзает из-за обмана одной смертной, а расплачиваться приходится другой. Дарнава, потерявшая семью, отдана в услужение суровому Морендару, Хранителю Зимы. В деревнях его зовут Морозко и верят: лишь он способен удержать мертвецов за гранью Яви, пока спит природа. Но служба в ледяном тереме смертельно опасна. Украденный поцелуй обратил прежнюю помощницу Хозяина Зимы в лед, а его самого злое колдовство сделало бездушной метелью. Теперь Дарнаве предстоит усмирить бушующую стихию и вернуть Морозко человеческий облик. Но готова ли она к тому, что на этом пути придется отыскать пропавших родных, спасать свою любовь к Морендару от гнева самих богов и наконец разгадать, почему смертоносные чары холода пощадили именно ее?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257215-17

© Сокол М., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Часть 1. Гостья 6
Пролог. Тепло ли тебе, девица? 6
Глава 1. Колядки 10
Глава 2. Отмеченная хозяином 13
Глава 3. Битва с навью 17
Глава 4. Хозяйка очага 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Марта Сокол
Обещанная духу Зимы

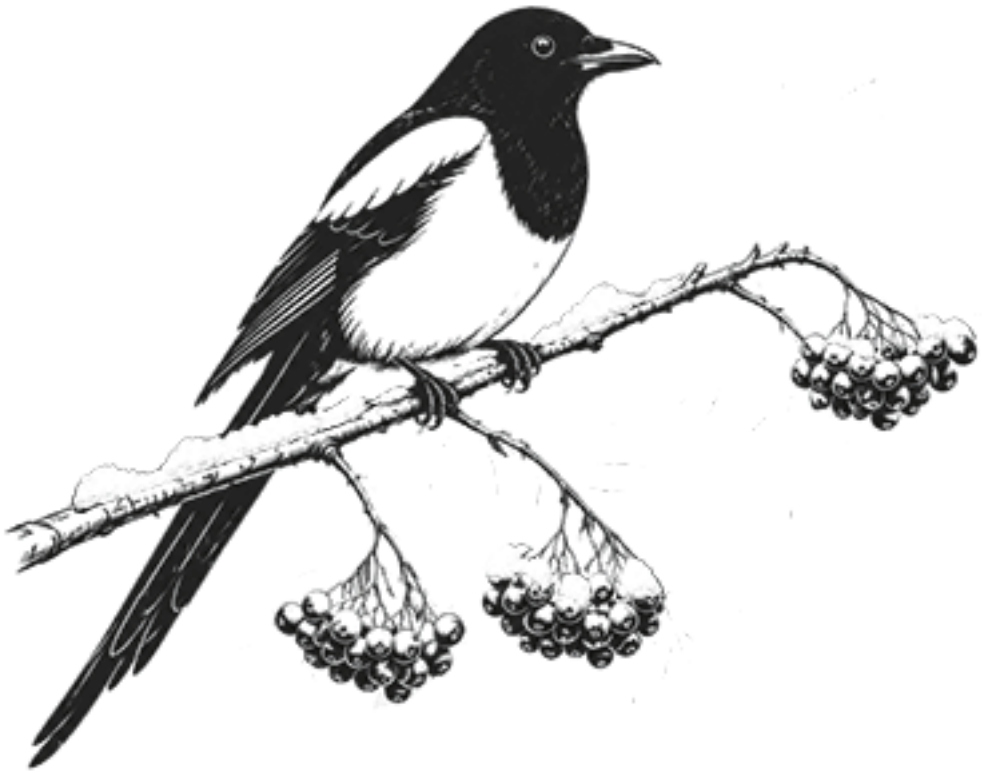
Оформление обложки Caramel Witch

© Марта Сокол, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Часть 1. Гостья

Пролог. Тепло ли тебе, девица?

Я опаздываю. Конечно же, опаздываю – куда без этого в последний день года?

Выбегаю из офиса, на ходу натягивая шарф, и несусь к метро. До электрички двадцать минут, если повезет. А я обещала Лене быть у нее к десяти вечера, чтобы поздравить Мишку и Соню до того, как они уснут. Дети ждут подарков, а я их единственная тетя. Почти родная.

Площадь перед станцией встречает меня праздничной суетой.

Боже, как же здесь шумно! Везде толпы, смех, музыка. Кто-то поет «В лесу родилась елочка». Пахнет глинтвейном и выпечкой. Между рядами ярмарочных домиков снуют люди с пакетами. Дети визжат, взрослые галдят. Повсюду мигают гирлянды – красные, синие, золотые.

Я кутаюсь в шарф плотнее. Мороз щиплет щеки, но как-то приятно.

Продираюсь сквозь толпу, лавирую между декорациями – вот избушка с пряниками, вот ледяная горка, вот огромная ель… И вдруг останавливаюсь.

Родители бы это оценили.

Мысль приходит сама собой, и сердце болезненно сжимается. Полгода прошло с той аварии. Полгода, как я стала наследницей с большой, но пустой квартирой. Тети и дяди разбросаны по городам, у всех свои семьи. Новый год – это же семейный праздник, правда? Но что толку в деньгах, когда его не с кем встретить…

– Ой!

Я едва не врезаюсь во что-то большое и мохнатое прямо посреди прохода.

– А это что такое? – бормочу, отступая на шаг.

Присматриваюсь. Это… избушка? Настоящая деревянная избушка на курьих ножках! Вернее, конечно, не настоящая. Из-под бутафорского домика торчат человеческие ноги в полосатых гетрах, замаскированные под куриные лапки. Кто-то из актеров ярмарки, судя по всему.

Я невольно усмехаюсь. Первый раз за весь день.

– Ну-ка, избушка на курьих ножках, – говорю я громче, подыгрывая, – встань ко мне передом, а к лесу задом!

Избушка послушно поворачивается. В окошке появляется лицо – старая бабушка в платке, нос крючком, бородавка нарисована. Классическая Баба Яга. Актриса смеется, и морщинки у ее глаз становятся глубже.

– Все-то ты, красна девица, знаешь, – каркает она. – Говори, зачем пожаловала?

Я смотрю на часы. Черт. Девять минут до отправления электрички. Но бабушка так старается, так вжилась в роль – грех не подыграть.

Кланяюсь в пояс, стараясь говорить торжественно:

– Мне бы, бабушка, добраться вовремя туда, где меня ждут.

Показываю на часы и добавляю уже обычным голосом:

– Электричка уже на перроне.

Баба Яга цыкает, качает головой.

– Погоди, погоди, – бормочет она, – снаряжу тебя, девица.

«Неужели путеводным яблочком?» – думаю я, сдерживая смешок.

Но актриса лезет в недра своей бутафорской избушки и достает… открытку. Обычную новогоднюю открытку.

– Вот, – протягивает она мне, – поздравишь деток с Новым годом.

Я хватаю карточку, бормочу «спасибо» – избушка отползает в сторону, освобождая проход, и я бегу дальше.

Окна электрички сияют впереди как новогодние огоньки. Успею!

И вдруг ловлю себя на странной мысли. Я… улыбаюсь. Последние полгода думала только о потере, боли, одиночестве. А сейчас, посреди этого новогоднего безумия, с морозом, щиплющим нос, с запахом хвои и корицы в воздухе, с этой смешной Бабой Ягой… Кажется, я готова. Готова отпустить горе. Готова продолжить жить.

Взбегаю по ступенькам на перрон и оборачиваюсь. Площадь внизу сияет огнями. Актеры, избушки, смех, музыка… Интересно, там есть еще кто-то, кроме Бабы Яги? Кощей, может? Или Снегурочка?

Гудок электрички прерывает мысли.

Я бросаюсь к дверям, впрыгиваю в вагон в последний момент. Занимаю свободное место у окна и наконец выдыхаю, вытягивая ноги и расслабляясь.

И тут замечаю – в вагоне холодно. Непривычно холодно.

Лезу в сумку за варежками, которые забыла надеть перед выходом из офиса. На пол выскальзывает та самая открытка. Я поднимаю ее, рассматриваю при свете вагонной лампы – и застываю.

Это… необычная открытка.

Да, на ней изображен Дед Мороз, как и на многих других новогодних карточках. Но этот чародей не тот добродушный дедушка с белой бородой, к которому мы привыкли. Это мужчина. Молодой, статный, красивый – даже очень красивый. Он одет в роскошную древнерусскую шубу, расшитую серебром. Длинные белые волосы струятся по плечам. Глаза… Его глаза смотрят прямо на меня. Холодные. Властные. Немного пугающие.

От картинки будто веет настоящим морозом.

«Качественная стилизация, – думаю я, улыбаясь. – Молодцы организаторы».

Электричка трогается, и в вагоне вдруг становится еще холоднее. Окна покрываются узорами инея – как в детстве, когда центрального отопления не хватало.

«Сломалась печка, наверное», – предполагаю я, запахиваясь в шубу плотнее.

Прикладываюсь лбом к ледяному стеклу. За окном проплывают дома, украшенные гирляндами. Огни. Праздник. Где-то там люди встречают Новый год с семьями.

Электричка выезжает на мост. Колеса стучат по рельсам – громче, ритмичнее. Железные опоры отражают звук, и он складывается в какую-то мелодию. Монотонную. Убаюкивающую.

Глаза начинают слипаться.

И вдруг прямо над ухом раздается голос. Низкий. Холодный. Насмешливый:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Резко распахиваю глаза.

Я больше не в электричке.

Стою посреди заснеженной улицы. Ночной. Тихой. Будто вымершей. Вокруг – избы. Вдалеке за ними видно реку. Оглядываюсь: дома вокруг меня деревянные, с резными ставнями и соломенными крышами. При входе висит лапник, украшенный красными лентами. Снег по щиколотку.

Мороз щиплет щеки так, что кажется – вот-вот кожа треснет.

– Где я?.. – Оглядываюсь по сторонам.

И тут слышу хор голосов: детские и взрослые. Они накладываются друг на друга, сплетаются в древнюю мелодию.

Из темноты появляется огонек. Потом второй. Я понимаю, что это факелы. Следом появляются низкие и высокие, тонкие и полные силуэты.

Приближаются.

И вдруг я наконец четко слышу слова:

– Ой, коляда, коляда-а-а… Открывайте ворота-а-а…

Огонь озаряет фигуры – и я замираю.

Передо мной толпа в звериных масках. Волки, медведи, козлы, птицы с длинными деревянными клювами. Мужики в тяжелых тулупах, женщины в старинных сарафанах, дети в масках с прорезями для глаз. Кто-то несет колесо, увитое соломой.

– Коляда-а-а… – тянут они, подходя ближе. – Хозяюшка, открывай… да угощай…

Они окружают меня со всех сторон.

– Э-э-э… – Поднимаю руки, пятясь назад. – Я не хозяйка. Я… я вообще не знаю, как сюда попала.

Толпа отвечает смехом.

Один из колядующих – с маской медведя – выступает вперед. На нем тулуп до пят, на плечах снег.

– Не отсюда, говоришь? – Его голос низкий, грудной. – Из лесу вышла, что ли? Али с того света? Али тебе Мороз-батюшка тропку указал?

Я открываю рот – и не знаю, что сказать.

Колядующие переглядываются. Маски поворачиваются друг к другу, факелы в их руках покачиваются.

Я отступаю на шаг – и вдруг нога проваливается в сугроб. Теряю равновесие и падаю назад, в снег, – там мягко, но холодно, так холодно, что дух перехватывает. Снег набивается за шиворот, под шубу. Мороз трескучий – градусов тридцать, не меньше. За эти несколько минут я уже продрогла до костей.

Задираю голову – и вижу небо.

Оно темно-синее, почти черное, какое бывает только в сильный мороз. И такое, какое бывает вдали от городов с их засветкой. Звезды сияют так ярко, что кажется – протяни руку, и достанешь. Из печных труб к небу прямыми столбами поднимается дым, застывая в морозном воздухе.

А где-то вдали с другого берега реки слышен лай собак.

Я приподнимаюсь и резко поворачиваю голову.

Вот замерзшая, белая река. А за ней должны быть дома. Я знаю эти места. Сотню раз проезжала здесь на электричке. К Лене. К детям. Только… здесь должен быть железнодорожный мост, по которому ходит электричка.

А моста теперь нет. И знакомых домов нет.

За рекой сейчас только лес и темнота.

– Как же это так? – шепчу я, и голос дрожит.

Один из колядующих наклоняется ко мне. Факел освещает мое лицо. Мужчина внимательно рассматривает мою современную шубу, сапоги, шарф.

– А не наша девка-то! – вдруг начинает голосить какая-то баба, отступая. – Оборотница!

– Нечистая! – тут же вторит другая.

– Духами послана! – басит кто-то издалека.

И тут перед толпой появляется молодой парень без маски. Лет двадцати пяти, может, чуть меньше. Лицо обветренное, скулы резкие, взгляд твердый. Одет в длинный тулуп, шапка-ушанка сбита набок.

Он протягивает мне руку – и оборачивается к толпе:

– Ладно вам! – голос звучит спокойно. – Еще одна потеряшка.

Зыркает на баб и те отводят взгляды.

– Иван, ты чего? – недовольно бубнит кто-то из мужиков.

– То-то и оно, что не наша, – отрезает парень. – Значит, волшебная гостья. А таких обижать грех. Или забыл?

Толпа недовольно гудит, но отступает. Парень смотрит на меня сверху вниз – и усмехается:

– Ну что, странница? Вставать будешь, али до утра в сугробе сидеть собралась?

Глава 1. Колядки

Я протягиваю руку. Иван хватает меня крепко – и с такой легкостью вытаскивает из сугроба, будто я пушинка. Быстро отряхивает снег с моего рукава.

– Пошли, покажу тебя старосте, – говорит он коротко.

– Зачем? – начинаю я, но он уже поворачивается и тянет меня следом.

Толпа колядующих расступается, но не расходится. Я оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, что происходит.

Меня окружает настоящая русская деревня. Кругом избы, окна в которых маленькие, украшенные резными ставнями. Крыши низкие, припорошенные снегом. Дым идет из труб. Кругом тишина – только слышен лай собак вдали.

Глаз цепляется за то, что вокруг нет ничего современного: ни фонарей, ни антенн на домах, ни припаркованных во дворах машин.

«Это сон, – пытаюсь убедить себя. – Просто уснула в электричке. Сейчас проснусь».

Но все вокруг ощущается таким настоящим: рука Ивана на моем запястье, щиплющий щеки мороз. И я понимаю, что мне страшно.

Мы подходим к самому большому дому на улице. Он выглядит крепче, основательнее других. Одноэтажный, высокий, с большими сенями. Двор просторный – там уместились сарай, конюшня, огромная поленница у стены. Ворота с резной перекладиной.

На порог выходит мужчина – я видела, как какой-то мальчишка отделился от толпы и умчался вперед – видимо, предупредил его. Староста – человек лет пятидесяти, может, чуть больше. Борода у него седая, аккуратно подстриженная. Одет в тулуп и валенки.

Он чинно поднимает голову и бросает взгляд на колядующих. Потом – на меня. Глаза у него светлые, а смотрит он цепко, оценивающе.

Он долго разглядывает мою шубу, сапоги, лицо.

Я невольно сжимаю кулаки, волнуясь все больше.

– Забрела она к нам, видать, с другого берега. Да не беда. К ведунье ее ведите, – произносит староста наконец.

– К Агафье? – переспрашивает кто-то неуверенно.

– К ней, – кивает староста. – Она поглядит и скажет, что к чему.

Иван легко, но настойчиво подталкивает меня в спину. Я иду следом. За нами – еще несколько человек из колядующих.

Сворачиваем с главной улицы на узкую тропинку, которая ведет к краю села. И вдруг я чувствую – становится тише. Вьюга, что мела все время, внезапно стихает. Снег начинает падать ровно и медленно, словно в замедленной съемке.

Впереди показывается маленький низкий дом. Он стоит чуть в стороне от остальных изб, у самого леса. Крыша широкая, покатая, припорошенная снегом. Окна маленькие, на наличниках вырезаны птицы, солнце, обережные узоры.

Мы останавливаемся у ворот. Успеваю заметить, как в окошке мелькает чье-то лицо.

И вдруг – что-то касается моего плеча.

Вздрагиваю, оборачиваюсь – и вижу черно-белую сороку с умными блестящими глазами. Они сидит на моем плече так привычно, будто всегда была моей ручной птицей. Затем наклоняет голову набок, рассматривая меня.

– Что… – начинаю я.

И в этот момент дверь дома открывается.

На пороге стоит женщина. Видимо, это и есть Агафья.

Она немолодая – лет шестидесяти, может, больше. Одетая в длинный темный сарафан, в платке, повязанном узлом под подбородком. Ее лицо в глубоких морщинах, но глаза… Глаза светлые, ясные.

Похоже, это ее я видела в окне.

Сорока на моем плече резко вспархивает, оглашая все вокруг громкими хлопками крыльев, взмывает вверх и тонет в темном небе.

Агафья делает шаг ко мне, долго, внимательно рассматривает лицо. А потом говорит тихим, но твердым голосом:

– Не по своей воле ты пришла с другого берега. Но и не по худой. Хозяином ты отмечена.

Сердце подпрыгивает. А люди за моей спиной с облегчением выдыхают и издают радостные возгласы.

– Ну теперь перестанет серчать Морозко! – шепчет кто-то позади.

Агафья усмехается, чуть-чуть приподнимая уголки губ.

– Войди, – говорит она просто. – Поговорим. – И отступает в дом, приглашая меня за собой.

Переступаю порог, и меня накрывает волной тепла.

Света почти нет, только лампадка мерцает в красном углу и две вставленные в глиняные подсвечники толстые свечи горят на столе. Печь огромная, беленая, штукатурка пошла трещинками. На огне шипит чугунок – в избе пахнет травами и медом. На боковой полке разложены пучки сушеных растений: зверобой, мята, что-то еще. У печи – ухват, кочерга, кадка с водой. Лавки вдоль стен темные от времени.

За спиной слышу, как Агафья тихо переговаривается с Иваном. Слов не разобрать – они говорят вполголоса. Хочу обернуться, понять, о чем речь, но не успеваю: дверь захлопывается.

Я вздрагиваю. Агафья неторопливо проходит мимо меня, садится на лавку у стола, кивает на место напротив:

– Устраивайся поудобнее. Как звать-то тебя?

– Даша… Скажите, что значит «потеряшка»?

Агафья вздыхает.

– Рассердился на нас Морозко, – говорит она просто, как о погоде. – Грань истончилась, и ты к нам пришла.

– К вам – это куда?

– В Тридевятое царство, – отвечает Агафья спокойно. – Место, где традиции живут. Где все так, как было и будет.

И вдруг из самой глубины памяти всплывает что-то, о чем я читала когда-то давно. В славянской мифологии мертвые жили по ту сторону реки. По ту сторону.

Уж не напросилась ли я на тот свет, постоянно вспоминая родителей?

– Я… я умерла? – шепчу.

Агафья качает головой.

– Нет, девица. Живая ты. И мы живые. – Ее взгляд вдруг становится глубоким, задумчивым. – Вечно Тридевятое царство жить будет, пока на Руси хоть один человек помнит сказки.

Потом Агафья начинает улыбаться.

– Не бойся! Все хорошо будет. Ты поможешь нам помириться с Морозко. Ты ведь его гостьюшка.

Морозко. Уже второй раз она упоминает это имя.

На заднем плане что-то грохает. Я вздрагиваю, оборачиваюсь.

Агафья тихо, добродушно смеется.

– Это бабы баньку тебе топят.

– Мне? – Прикладываю руку к груди. – Зачем? У вас же праздник!

Агафья кладет теплую, сухую ладонь мне на руку.

– Для нас нет ничего важнее, чем хозяина уважить, – говорит она серьезно. – Гостью его обогреть, помыть, да ужином накормить.

Сглатываю. Видимо, придется насладиться гостеприимством – все лучше, чем в такой мороз на улице!

Глава 2. Отмеченная хозяином

Напоив меня теплым отваром и дав мне как следует отогреться у печки, Агафья поднимается с лавки, кивает мне:

– Пошли в баню. Пар – он после твоего пути душу успокоит. Хорошо будешь спать.

И не поспоришь! Мне бы сейчас немного в себя прийти.

На улице мороз бьет по лицу, но идти недалеко – маленькая, низкая, сложенная из потемневших бревен баня стоит тут же, во дворе. Из трубы валит густой пар. Окошко запотело, светится изнутри теплым желтым светом. Слышны голоса, смех, плеск воды.

Агафья толкает дверь – и меня обдает жаром.

Внутри хаос. Пар такой густой, что поначалу я не вижу ничего, только слышу:

– О-о-о, гостьюшка пришла!

– Девки, глядите – какая ладная!

– Заходи, заходи, не стой на пороге!

Меня буквально втаскивают внутрь, а дверь за спиной захлопывается.

Пар рассеивается – и я вижу их.

Женщин много и они уже не выглядят столь враждебно настроенными, как еще пару часов назад. Сейчас они, кажется, рады мне как долгожданной ВИП-персоне. Они разного возраста – от совсем молодых девушек до пожилых баб. Кто в рубахах, кто в платках, кто совсем обнаженный.

Меня обступают со всех сторон.

– Ох, кожа у нее как у боярыни… Не привыкшая работать, небось!

– Рубаха-то под шубою… да что ж это за ткань? Али заморская?

В их словах не слышно ни страха, ни злости, только искренний интерес. Я фыркаю – получается довольно громко. Бабы хохочут в ответ.

– Так, девки! – командует одна из них, полная, с косой до пояса. – Мыть, парить да готовить! Морозкину гостью радовать!

– Девку на выданье – сперва умой, потом пригожай! – вторит другая.

– Снимай-ка вот это свое городское, – тянется ко мне третья.

Я краснею, а бабы хохочут еще громче.

– Ай, стыдливая! Ничего, ничего, у нас все свои!

Меня быстро раздевают, но обращаются аккуратно, не грубо. Шубу снимают, стаскивают свитер, джинсы и складывают на лавку. Остаюсь в нижнем белье – и тут же слышу:

– Ой, а это что такое?!

– Какие ленточки узенькие…

– Девки, глядите, какое чудо!

Закрываю лицо руками. Боже, как неловко.

Что-то громко трещит снаружи и общее движение на мгновение замирает. Бабы переглядываются, кто-то цыкает.

– Морозко нынче беспокойный, – говорит одна тихо.

– Зима лютая стала, – кивает другая.

– Дары на Карачун не принял. Марфушку не приметил.

– Что? – с трудом вклиниваюсь в разговор я.

– Хватит ее пугать! – прикрикивает на других баба с веником. – Хозяин Зимы пригожих девок любит. А Марфа-то рябая!

Бабы дружно смеются, переглядываясь.

Я красная, мокрая, потерянная сижу на полке и вдруг понимаю, что мне… хорошо. Тепло. Впервые за полгода обо мне кто-то заботится, суетится, смеется рядом.

Я вспоминаю открытку, которую получила прямо перед тем, как попасть сюда. Там был изображен мужчина в древнерусской шубе. Вспоминаю его холодные глаза. Властный взгляд.

«Тепло ли тебе, девица?»

Ведь он же не существует на самом деле… Правда?

– А для чего ему девушки? – подаю голос я. – Вашему Морозко?

Бабы снова смеются.

– Чтобы глаз радовать! – говорит самая молодая. – Скучно ему по зиме!

Остальные ей поддакивают, и я решаю, что это какой-то местный обряд. В Индии тоже вон выбирают живое воплощение богов. Так и тут, наверное, в колядки выбирают жену для Морозко.

Мне останется только расслабиться.

Баня действительно успокаивает, как и обещала Агафья: я так замерзла, что сейчас, в тепле, едва не засыпаю, и тревожные мысли выветриваются из головы.

Мне моют волосы травяным отваром, заплетают тугую косу и дают добротную девичью рубаху, украшенную красной вышивкой. Оберегами, как уточняет младшая из деревенских баб.

– Вот теперь наша стала, – радостно замечает Агафья, встречая меня в дверях своей избы.

На столе уже дымится густая гречневая каша с куском масла посередине. Пахнет так аппетитно, что живот сводит от голода.

Каша вкусная. Молоко – парное, такое не купишь в магазине.

После Агафья указывает на накрытую тулупом лавку, а сама садится к столу, достает веретено и начинает прясть.

Она прищуривается, поглядывая на меня, и произносит:

– Не бойся. Не первая девка от нас уходит. И не первая пришла. Все, что делается, всегда смысл имеет. Иногда великий.

Бревна в печи потрескивают. А за окном… Мне чудится, что там как будто стоит широкоплечий красивый мужчина с белой косой. Настоящий богатырь. Но тут же он оборачивается поземкой и тает.

Потираю глаза: мало ли, что померещится. Да и все окно в морозных узорах – может, просто игра света.

– Это Морозко старается, – говорит Агафья спокойно. – Гоняет навь.

– Навь?

Слово кажется смутно знакомым: где-то я его слышала или, может, читала, но теперь уж не вспомнить где.

– Мертвецов, – поясняет Агафья. – Зима – время, когда шалят покойники. Между мирами грань тонка. Особенно сейчас.

– А Морозко?

За окном снова потрескивает: мороз усиливается.

– Он на страже нашего мира стоит, – улыбается Агафья. – Снежные волки ему служат да птицы изо льда. А когда совсем разбушуется нечисть, предки приходят помогать.

Тут до меня наконец доходит: я не сплю в электричке. Не в коме. Не галлюцинирую.

Я попала в сказочный мир, который как будто параллелен реальному – существует рядом, за гранью.

Тридевятое царство.

– А как… – начинаю я.

Агафья бросает на меня внимательный взгляд.

– Как мне вернуться назад? – договариваю я тихо.

Агафья откладывает пряжу, смотрит на меня долго – ее глаза блестят в полумраке.

– А разве ты там забыла что-то важное?

Я мнусь с ответом.

Дома у меня… Что у меня дома? Пустая квартира. Работа, которая не приносит радости. Пара подруг. Одна из них, Лена, сейчас, наверное, очень за меня волнуется. И… все.

– Того, кто тебя привел, спрашивай, – говорит Агафья, снова берясь за веретено. – Разрешит – обратно через реку перейдешь.

Охапка снега вдруг с грохотом ударяет в окно. Я вздрагиваю. Сердце подпрыгивает.

Теперь я словно ощущаю присутствие Морозко. Он здесь. Совсем рядом.

– Ложись, – предлагает Агафья мягко.

Подходит к лавке, поправляет одеяло, накрывая меня сверху еще и моей шубой.

– Утро вечера…

– Мудренее, – соглашаюсь я шепотом.

Глаза сами слипаются. Тепло, молоко, усталость – все сказалось разом.

Агафья заботливо гладит меня по плечу, словно мать.

– Силу свою Морозко из-за любви потерял, – говорит она тихо, почти себе под нос. – Говорят, сердце его ледяное любить не должно…

Я проваливаюсь в сон, и последнее, что слышу, это:

– Подвела его Настенька…

Просыпаюсь оттого, как солнечный свет бьет в окно – а оно все в ледяных узорах, сверкающих, как алмазы.

Приподнимаюсь на лавке, протираю глаза. В избе тепло, печь потрескивает. Пахнет дымом и хвоей.

Дверь вдруг с грохотом распахивается и в избу врываются закутанные в тулупы бабы, в платках, красные от мороза.

– Давайте-ка, начинаем красу наводить! – командует широкоплечая.

– Погодите. – Я сажусь на лавке, натягивая на себя одеяло. – Зачем?

– Как зачем! – смеется молодая. – День сегодня хороший… Повезем тебя кататься.

– Марфа, неси воду! – кричит вместо ответа широкоплечая. – Дуня, ты платок взяла?

– Принесла, принесла!

Меня поднимают с лавки, усаживают на скамейку у стола.

– Сани-то Иван со вчерашнего дня чистит, – бросает кто-то.

– Покажет тебе царство наше, – соглашается другая.

Не решаюсь спросить, зачем мне его смотреть. Может быть, тут так принято, раз я гостья Мороза.

Меня усаживают спиной к печи, медленно, осторожно расплетают косу. Долго и тщательно расчесывают волосы, а потом заплетают заново ловкими быстрыми движениями. Туго перетягивают красной лентой.

– Ленту не потеряй, – шепчет мне на ухо девчонка-подросток. – Мороз любит тихих, да стыдливых. Вплетай каждый день в косу.

Вздрагиваю.

– Мороз? – переспрашиваю я тише.

Бабы переглядываются.

– А ты думаешь, он смотреть не будет на гостью нашу? – говорит Дуня, протягивая мне белую рубаху с красной вышивкой. – Полюбоваться на тебя выйдет, посмотреть, как встретили тебя.

Надеваю рубаху. Она с вышивкой на воротнике и рукавах, чистая, приятно пахнет травами.

– От сглаза, – поясняет Марфа, поправляя ворот.

Сверху накидывают тяжелую, теплую, темно-синюю шаль. И тут каждая баба протягивает мне что-то свое. Дуня – крошечный мешочек соли. Марфа – сушеное яблоко. Матрена – кусочек чего-то завернутого в тряпочку. Девчонка – красную ленту.

– От завистников, – шепчет она.

Я складываю все подарки в ладони, осматривая. И не понимаю, к чему это. Похоже на обряд. Надеюсь, меня не собираются принести в жертву?

В это время дверь скрипит. Оборачиваюсь: на пороге Иван. Он в тулупе, шапке, плечи все в снегу. Смотрит на меня и краснеет. Неожиданно отводит взгляд.

– Готова гостья-то? – бормочет он. – Сани вон стоят. А Мороз долго ждать не станет.

Бабы начинают щебетать все разом:

– Да-да, готова!

Иван краснеет еще сильнее. Бурчит:

– Едем кататься. Сани быстрые. Прокачу с ветерком!

Смотрит на меня – и в глазах промелькивает что-то, чего я никак не пойму.

Бабы подталкивают меня к выходу. Агафья появляется из глубины избы, приближается и кладет мне руки на плечи.

– Иди, – говорит она тихо. – Не бойся.

Девчонка визжит от восторга:

– Вот бы мне так покататься!

Выхожу на крыльцо, оглядываюсь. В душу закрадывается подозрение: точно ли мне ничего не угрожает?

– А если Морозко меня не увидит сегодня? – спрашиваю у Агафьи.

– Тогда еще холоднее станет.

– Не может он зимой без хозяюшки, – доносится из-за спин женщин.

Разворачиваюсь к выходу.

Во дворе сани – вижу я, распахнув дверь. Они красивые – резные, вычищенные до блеска. Внутри лежат белые, пушистые волчьи шкуры. Рядом нетерпеливо бьют копытами лошади в украшенной колокольчиками сбруе. Иван стоит около них, поглядывая на меня с тревогой.

– Все молодые катаются, – говорит он, не глядя на меня. – Таков обычай. С ветерком поедем.

Он не врет, я чувствую это, но и всю правду не договаривает.

Подхожу к саням. Иван подает мне руку, и я забираюсь внутрь, он помогает укутаться в шкуры.

Бабы машут руками. Кричат что-то, смеются.

Иван садится рядом, щелкает вожжами. Лошади срываются с места и сани легко, почти бесшумно трогаются.

Оборачиваюсь.

Агафья стоит у порога. Смотрит нам вслед, но не на меня, а вдаль – туда, где начинается лес.

Глава 3. Битва с навью

Сани летят по снегу все быстрее и быстрее. Лошади несутся, колокольчики звенят, снег скрипит под полозьями. Ветер бьет в лицо, щиплет щеки. Я кутаюсь в шкуры, смотрю по сторонам.

Деревня позади. Река все дальше. Вокруг густой, темный лес, кажущийся бескрайним. Деревья стоят, засыпанные снегом, похожие на великанов в белых шубах.

Оглядываюсь на Ивана. Он сидит прямо и напряженно смотрит вперед.

– Куда мы едем? – спрашиваю я.

– Кататься, – отвечает коротко.

– Далеко?

– Нет.

Молчание.

Пытаюсь заговорить снова:

– А… а кто вами правит? Где он живет?

– Берендей. В столице, – отвечает Иван, не поворачивая головы.

– А где столица?

– За лесами. За реками.

– Далеко?

– Далеко.

Смотрю на его профиль: молодой, симпатичный парень. И вдруг меня осеняет.

– А ты, – говорю я медленно, – часом не Иван-дурак будешь?

Он поворачивается ко мне. Смотрит долго, внимательно.

– Вдовьим сыном меня кличут, – произносит наконец.

Что-то внутри переворачивается. Вдовий сын. Я в сказке. По-настоящему. Переваливаюсь вперед, ближе к Ивану, и выдыхаю:

– А сивку-бурку ты не ловил? Царевну замуж звать не собираешься?

Эта мысль вдруг кажется мне невероятно смешной.

Иван хмурится:

– Чего?

Смотрю на него – и замечаю правильные черты, добрые глаза. Ну конечно! Иван ведь в русских сказках положительный персонаж.

– А поля-то пшеничные у вас никто не вытаптывал? – спрашиваю я, и голос дрожит от сдерживаемого смеха.

Иван хмурится сильнее, но в глазах блестит любопытный огонек.

– Почем знаешь? – вдруг выдает он.

Хлопаю его по плечу:

– Конь это волшебный! – Откидываюсь назад. – Ночью в колосьях спрячься и жди – увидишь его.

– Тпр-р-ру! – Иван резко останавливает лошадей.

Сани встают. Оглядываюсь: мы посреди леса, вокруг только деревья и тишина. Охапка снега шумно падает с ветки на землю. Вздрагиваю.

За стволами мне чудятся силуэты. Волки?

– Поехали! – говорю я быстро, положив руку Ивану на плечо.

Но он не шевелится. Смотрит прямо перед собой.

– Не могу, красавица, – бормочет он.

– Что?! – Перевешиваюсь к нему, хватаю за рукав.

– Агафья говорит, Морозкина ты невеста.

Отшатываюсь.

Невеста! Обряд. Белая рубаха. Подарки. Красная лента в косе.

Меня готовили как невесту!

– Если привезу тебя назад, за околицу прогонят, – продолжает Иван, глядя на снег. Он выглядит смущенным, виноватым. – Сорока тебе на плечо села. А это его знак.

Дышу часто, прерывисто. Сердце колотится.

– Вань, – говорю я, хватаясь за последний шанс, – давай я тебя научу, как волшебного коня поймать! Как на Берендеевой дочери жениться! Хочешь? Я все сказки про вас в детстве читала! Знаю, что надо сделать!

Но Иван непреклонен. Он сжимает вожжи сильнее и не двигается с места.

– Хорошая ты девушка, – оборачивается он ко мне. – Сердцем чувствую, но и своих не могу предать. Погибнет деревня.

– Почему? – Присаживаюсь на облучок.

Пар вылетает изо рта. Снежок начинает порошить. Становится очень тихо.

– Если Морозко не будет навь отгонять, нас злые духи не пощадят, – говорит Иван. – А чтобы он дозором мог леса обходить, нужна ему хозяйка.

Хозяйка.

Вдруг до меня доходит.

– А что с Настенькой и Марфушей?

Это ведь тоже из сказки!

Иван молча смотрит на облучок. Потом вздыхает:

– Раз в год к Морозко одна баба всегда отправлялась. Ох и сложная у него служба! А нрав-то какой! Но каждый раз баба становилась завидной после него невестой: с дарами ее Морозко возвращал. За всю ту работу, что делала у него. Кому-то сундуки, полные каменьев дарил, если служба нравилась, а кому-то колечко – если не очень. Пока не отправила к нему злая мачеха свою Настеньку.

– И что? – шепчу я.

– Не захотел он ее вернуть. Да жених ейный за ней отправился.

– А потом?

Иван смотрит в землю.

– Пропали оба! И вот наступила новая зима. Мы по обычаю уговорили Матрену дочь свою отдать ему, Марфу. Все же сестрица Настенькина! Не принял ее Морозко! И дары наши оставил. А Марфе подарил сундук с воронами! Знать, что-то случилось не то.

– Марфа ведь злая… – говорю я тихо, но Иван качает головой.

– Не любила она Настеньку, да и только. Ну а потом Агафья ходила к Яге, советовалась…

Вздрагиваю. Баба Яга. Конечно же! Куда же без нее в русской сказке?

– Она-то и посоветовала, – продолжает Иван. – Одну девку на другую поменять.

– Так что же это, – понимание накатывает волной, – меня Яга сюда вызвала?!

Вспоминается старушка в бутафорской избушке. Значит, это и была Баба Яга. И вернуть только она может. Если я хочу домой – придется идти к Яге.

– Вылезай из саней, – говорит Иван, поднимаясь. – Я приду на это место утром. Не оставлю одну в лесу.

Достает из саней шкуры, кладет их на снег. Потом оставляет сверток с едой.

– Костер только не разводи – хозяин гневаться будет.

Смотрю на заснеженный лес. Прикрываю веки. Умереть здесь легко. Обморозиться еще проще.

Но я в сказке. А в сказках есть Живая и Мертвая вода. Есть способ выкрутиться. Надо только продержаться.

– Уважь нас, – виновато говорит Иван, разгружая последнее.

Смотрю на него, на еду, что он оставил.

– Хорошо, – киваю я. – Только и ты меня уважь. Поговорю с Морозко, если он явится. И если меня отпустит, покажешь, как попасть к Бабе Яге?

Иван соглашается.

– Договорились! – выдыхаю я.

Он протягивает руку, и я пожимаю ее.

Иван садится в сани, щелкает вожжами, и лошади трогаются, позванивая колокольчиками. Сани уезжают все дальше и дальше.

И вот я остаюсь в лесу одна.

Проходит час. Может, больше. Начинает темнеть: сумерки наползают быстро, как будто торопятся укрыть мир.

Я уже вытоптала весь снег под елкой, потому что сидеть на одном месте невозможно – слишком холодно, ноги каменеют даже в валенках, которые мне дали в деревне. Приходится ходить туда-сюда, размахивать руками, чтобы хоть как-то согреться. Но снег продолжает валить, густой и мокрый, припорашивая шкуры и сверток с едой, который оставил Иван.

Я с ужасом думаю о том, что ждет меня ночью. Невольно вспоминаю ролики про выживание, которые смотрела в интернете, – как люди умирают от переохлаждения: замерзают пальцы, и организм постепенно отключается. И все это пугает меня до дрожи.

Вдруг издалека слышится протяжный, голодный волчий вой.

«Только этого не хватало!» – думаю я, сжимая кулаки под шалью.

Волки меня попросту сожрут и косточек не оставят! Будь прокляты Иван с Бабой Ягой!

Ведь очевидно, что Морозко не придет! Возможно, он заморозил насмерть Настеньку – раз у него такой отвратительный характер, может быть, не перенес отказа. Иван ведь ничего не сказал про то, что жених Насти вернулся с ней из леса. Может, они оба теперь ледяные статуи где-то в этой чаще, а Морозко твердо решил уничтожить деревенские посевы просто из злости. Потому что как вообще дух зимы, существо изо льда и холода, может любить людей?

От этих мыслей становится совсем не по себе.

Пытаюсь вспомнить, как Морозко выглядел в детской книжке с картинками – приятный милый старичок с белой бородой, добрый дедушка, который дарит подарки. Но образ сразу меняется, и вместо него в голове всплывает та открытка – мужчина с холодными глазами, от которого веет властью и опасностью.

И вдруг я замечаю в сумерках силуэты волков.

Они стоят в отдалении, между деревьями, но не приближаются. Необычные волки – полностью белые, с горящими алым светом глазами. Они как будто не особенно интересуются мной. Сначала стоят неподвижно, словно ждут чего-то, а после выстраиваются в линию, словно это военный строй. Я не смею двинуться, не понимая, что происходит.

А потом сверху пикируют огромные черные птицы с размахом крыльев больше метра. Они касаются земли и превращаются в вытянутые тени, которые напоминают искаженные, неправильные, жуткие человеческие силуэты. Один из них носит ржавую, перекошенную корону. Другой тащит за собой топор, оставляющий на снегу черную борозду.

– Навь… – шепчу я и отступаю, спиной прижимаясь к стволу дерева.

Мертвецы.

В это самое мгновение снежок, падавший с неба мягко и тихо, неожиданно превращается в яростную ревущую метель.

Меня практически отрывает от дерева порывом ветра, и приходится схватиться обеими руками за ближайший ствол, чтобы не упасть. Снег летит в лицо, слепит глаза, забивается в рот и нос.

Я едва вижу сквозь завесу белого, как волки разбегаются и бросаются на тени, кусая их и тут же рассыпаясь снежной пылью – буквально взрываясь облаками белых искр. Но и тени падают в снег, корчатся, исчезают. На них сверху пикируют совы, которые, как я теперь вижу, состоят изо льда – прозрачные, сверкающие, смертельно прекрасные.

Все это выглядит грозно и при этом невероятно красиво – как битва стихий, как война между миром живых и миром мертвых.

Прячусь за деревом, потому что нутром чувствую, насколько опасна навь. Нельзя дать мертвецам себя коснуться.

И понимаю, что это Морозко ведет с ними бой. Не дает прорваться в мир живых. Может, у него и сложный характер, но свой договор с людьми и природой он выполняет четко.

Я совсем окоченела, пальцы не чувствую, щеки онемели, но продолжаю завороженно смотреть. Вижу, как метель бьет по полчищам теней, как откидывает их назад. Вижу, как за спинами теней поблескивает пустая, мертвая снежная равнина. Но как только метель бьет по врагам – на этом месте снова возникает живой и настоящий лес.

Я очарована силой Морозко.

– Так вот ты какой, – шепчу я, почти не чувствуя губ. – Не разбойник, а воин.

Но вскоре я замечаю: у волков и сов кончаются силы. Они двигаются медленнее, рассыпаются быстрее. А вьюга ревет уже не так яростно – в ней слышна усталость, надрыв. Вспоминаю, как Агафья говорила мне, что Морозко выдохся, что ему нужна помощь, и если я не помогу – мертвецы прорвутся в мир живых, и всем несдобровать. Настало время действовать.

Выбегаю из-за ствола сосны, в самую гущу метели, и кричу изо всех сил:

– Где ты?! Покажись!

Почти все мои слова проглатывает вихрь, но они срабатывают.

Метель перед самым моим лицом сгущается, закручивается и я вижу мужской силуэт. Он материализуется из разрозненных снежинок, становится реальным, плотным – как по волшебству!

Морозко.

Он в шубе, надетой поверх сияющего белизной ледяного доспеха, будто выкованного из чистого света. Сильный, красивый, статный, с широкими плечами и прямой спиной. На вид ему не дашь больше тридцати – точно не дед, каким его изображают в детских книжках. Волосы длинные, белые, заплетены в боевую косу, как у викинга или древнего воина. Из оружия у него только длинный, украшенный узорами льда посох. Он посылает в навь порывы ветра, снежные шквалы, которым та почти не может противостоять.

В какой-то момент у Морозко подкашиваются ноги – он пошатывается и падает на одно колено в снег, тяжело дыша. Посох выпадает из его руки.

В этот момент на него бросаются сразу несколько черных теней.

Морозко разрывает их голыми руками, швыряет ошметки тьмы себе под ноги, где они шипят и тают. Но одна из теней хватает посох и тащит его прочь.

На нее бросается снежный волк, разрывает в клочья, но и сам рассыпается снегом, оседая на землю белой пылью.

Метель утихает, слабеет.

Морозко ищет посох взглядом, но на него снова волной накидываются тени.

Тогда я бросаюсь к посоху, который лежит в снегу в нескольких метрах от меня.

– Не тронь! – Голос Морозко сначала похож на рев метели, на вой ветра в ущельях гор, но потом становится человеческим – сильным, звучным, удивительно приятным для слуха.

Мои пальцы подрагивают над посохом, но внезапно у меня возникает чувство, что, если я схвачу его, непременно смогу Морозко помочь. Поэтому я делаю решающий рывок, хватаю посох обеими руками – и вдруг перестаю чувствовать холод.

Метель ревет, поднимается в небо огромным столбом, и вместе со снегом взлетают тени – все до одной, кружась в воздухе, как черные тряпки, пойманные ураганом. Ветер кружит их, потихоньку уничтожая, разрывая в клочья. А затем стихия внезапно успокаивается.

Тени рассыпаются мглой и пропадают в небе.

Моя одежда растрепана, волосы выбились из косы, шаль сползла набок. С неба сыплется мягкий, невесомый снежок. Изо рта вырывается пар.

Я вдруг пугаюсь, что не увижу больше Морозко – что он исчез в зимней вьюге и больше не покажется. Морозко – настоящий богатырь, сильный и загадочный, и он мне… приглянулся. Не могу этого отрицать.

Но тут понимаю, что все еще держу в руках ледяной посох.

Такой холодный, что руки наконец начинает покалывать – я как будто снова стала человеком, вернулась в свое тело.

Роняю посох, испуганно разжав пальцы.

И тут из падающего почти стеной снега неожиданно появляется высокий силуэт Морозко. Он ловит посох на лету, прежде чем тот успевает достигнуть сугроба, и выпрямляется, глядя на меня.

Мы стоим друг напротив друга.

Я смотрю на него снизу вверх – он высокий, намного выше меня, – и впервые разглядываю вблизи: белые волосы, как будто слепленные из снега, падают на плечи тяжелыми прядями. Лицо резкое, красивое – скулы высокие, подбородок волевой, губы тонкие. Глаза… глаза холодные, цвета льда, пронзительные. И пар у него изо рта не вылетает. Совсем. Потому что он – не человек.

– Ополоумела? – Это первое, что он говорит мне, и голос звучит резко, сердито.

Складываю руки на груди и напоминаю себе, что уже слышала про его характер от Ивана и баб в деревне. Ну и не все то золото, что блестит. Не всякий красивый мужик – приятный.

– Я вообще-то тебе помогла, – отвечаю я, стараясь говорить твердо.

Он хмурится, и лицо становится еще более суровым. Бьет посохом о землю – и иней на ветвях деревьев вокруг нас начинает звенеть, будто тысячи крохотных колокольчиков. Это так красиво, так неожиданно волшебно, что я на мгновение замираю, задрав голову.

Над верхушками елей вдруг начинает переливаться северное сияние – зеленые и голубые волны света, танцующие в ночном небе.

– Вот это да, – шепчу я, завороженно глядя вверх, потому что никогда не видела северного сияния вживую. А сейчас оно переливается прямо у меня над головой, как подарок от самой зимы.

– Этот посох, – голос Морозко вырывает меня из мыслей, заставляя отвести взгляд, – для любого живого – смерть!

Опускаю голову и смотрю на собеседника, снова отмечая про себя, что он действительно очень, очень красив, пусть и злится.

– Зачем чужое хватаешь? – спрашивает он, и в голосе слышится не только злость, но и что-то еще. Беспокойство?

– Так ты бы… – Делаю шаг назад, опасаясь, что Морозко разозлится еще больше от того, что я скажу. – Ты бы проиграл… нави.

– А ты? – Он делает шаг ко мне. – На что ты рассчитывала?

– Так я же…

Морозко без предупреждения хватает меня за руки, снимает варежку с одной из них и смотрит на побелевшие пальцы, на которых уже проступают темные пятна обморожения.

– Замерзла! – выдает он, и в голосе звучит настоящая тревога.

Всплескивает свободной рукой, явно сердясь – но не на меня, кажется, а на ситуацию. А потом пронзительно, высоко свистит – так, что эхо разносится по всему лесу.

Сначала слышу перезвон бубенчиков, к которому добавляется мощный, ритмичный, как барабанная дробь, стук копыт.

На поляну вылетают сани, запряженные тремя шикарными белыми конями, которые несутся так быстро, что из-под копыт взлетает снежная пыль. Они останавливаются перед Морозко и почтительно кланяются ему, опуская головы. Их белые гривы, похожие на вьюгу, развеваются, стелятся почти до земли.

Сани отделаны серебром, которое сверкает даже в сумерках. По бортам вырезаны тонкие, изящные, как кружево, узоры инея. Вся внутренность саней застелена белыми, пушистыми, кажущимися невероятно теплыми мехами.

– Полезай! – приказывает Морозко, кивая на сани.

– А… а куда мы поедем? – спрашиваю я, не двигаясь с места.

Это злит его еще больше. Морозко крепко, но не больно подхватывает меня под локоть и ведет к саням, практически волоча за собой.

– В ледышку обратишься, – скрипит он зубами, и я слышу настоящую злость в его голосе.

– Но мне не холодно! – протестую я, упираясь ногами в снег.

– Это потому, что ты почти лед! – рявкает он, останавливаясь и поворачиваясь ко мне.

И в его глазах я вижу… страх. Настоящий страх за меня.

После этого я слушаюсь и забираюсь в сани сама, больше не сопротивляясь.

Только я укутываюсь в меха, как Морозко легко, одним движением, запрыгивает следом, словно не замечая тяжести своего доспеха и шубы. Укрывает меня еще одной шкурой, поправляет, чтобы не было щелей, через которые может пробраться холод. А потом берется за вожжи и щелкает ими один раз.

Лошади срываются с места так резко, что меня откидывает назад.

Мы летим по снегу. Деревья мелькают по сторонам, превращаясь в размытые темные пятна.

Глаза слипаются сами собой, будто кто-то тянет веки вниз тяжелыми гирями. Я уже толком не различаю, что сон, а что явь – все смешивается в одну картину, где деревья сами расступаются перед Морозко, склоняются в поклоне, пропуская сани. Оборачиваюсь и понимаю, что они еще и встают обратно на место, словно стражи, охраняющие путь, как только мы проезжаем мимо.

«Вот это да», – думаю я, но даже мысли становятся вязкими, медленными.

Смотрю на сильную широкую спину Морозко перед собой – на то, как он держит вожжи, как стоит прямо и уверенно, как белые волосы развеваются на ветру. И понимаю, что не видела еще никогда такого шикарного мужчины в своей жизни, пусть он и сказочный, пусть и дух зимы, а не человек.

Ложусь на шкуры – сил больше нет сидеть.

И тут слышу:

– Не засыпай!

Морозко успевает обернуться и не больно, но достаточно резко, чтобы я вздрогнула ударить меня по щеке.

– Сомкнешь глаза – и на той стороне окажешься! – гремит он над головой, и голос звучит властно, требовательно.

С трудом приподнимаюсь.

– А я еще не на той стороне? – шепчу я, и слова даются тяжело, язык не слушается.

Морозко резко оборачивается к лошадям и приказывает, хлестнув вожжами:

– Скорее скачите! Скорей!

Слышу только звон бубенцов, который становится все громче и громче, сливается в одну убаюкивающую, уносящую куда-то далеко мелодию.

И проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь, когда сильные руки уверенно и осторожно поднимают меня в воздух как ребенка.

– Ну мама, – шепчу я, не понимая, где нахожусь.

Приоткрываю веки и вижу пронзительные синие глаза Морозко, склонившегося надо мной. Какой же он красивый – мелькает мысль в затуманенном сознании, прежде чем я успеваю ее остановить. Он двигается быстро, неся меня на руках так, будто я ничего не вешу.

Кони, остановившиеся на поляне, нервно бьют копытами о снег. Слышен звон бубенцов – теперь совсем тихий.

И тут я вижу высокий, изящный, терем, целиком сделанный изо льда, с резными башенками и узорными окнами, сквозь которые пробивается голубоватый свет. Такой холодный и неприступный.

Также вижу белых волков, выглядывающих из леса, окружающего жилище со всех сторон. Они сидят неподвижно, как статуи, но глаза их горят тем же алым светом.

Невольно хватаюсь за воротник шубы Морозко – и чувствую тепло, исходящее от его тела.

Это кажется мне таким странным, так противоречит здравому смыслу: он же дух холода, существо изо льда, опасный для всего живого по самой своей природе. Как такое вообще возможно?

Морозко замечает мою реакцию – я вижу, как его взгляд на мгновение скользит вниз, на мои руки, вцепившиеся в его одежду. Он едва не останавливается на пороге терема, замирает, будто раздумывая о чем-то.

Но все-таки решается и переносит меня через порог.

Внутри все ледяное. Стены из прозрачного льда, переливающиеся всеми оттенками синего и голубого. Пол гладкий как зеркало, покрытый тончайшими узорами инея. Потолок высокий, с ледяными сводами, на которых висят сосульки, похожие на люстры. Мебель тоже изо льда – лавки, столы, даже что-то похожее на трон в дальнем углу.

Здесь холодно. Очень холодно.

Не спрашиваю, как Морозко собирается меня отогреть в такой-то хоромине – может быть, именно поэтому работа женщин, приходивших сюда, считалась такой непростой. Выжить здесь, в этом ледяном дворце, рядом с духом зимы уже само по себе испытание.

Молчу, прижимаясь к его груди, чувствуя странное, необъяснимое тепло, исходящее от него.

Глава 4. Хозяйка очага

Помню смутно, как Морозко усаживает меня около огромного, сложенного из ледяных блоков очага, которые переливаются голубоватым светом. Он не больно, но настойчиво встряхивает меня за плечи, пытаясь привести в чувство. Растирает руки своими ладонями – и его кожа кажется мне горячей, почти обжигающей после того холода, в котором я побывала.

Кажется, и его самого это начинает разогревать – я вижу, как на лице появляется легкий румянец, как дыхание становится чуть учащенным. Морозко сбрасывает шубу, оставаясь в одной серебристой кольчуге, накинутой поверх расшитого серебром синего бархатного кафтана. Металл позвякивает при каждом движении, создавая мелодичный звук.

Над головой вдруг раздается хлопанье крыльев, и я слышу имя, произнесенное нечеловеческим голосом:

– Морендар!

– Не до тебя! – огрызается Морозко, даже не поднимая головы и продолжая растирать мои руки.

Пахнет от него зимней свежестью – чистым снегом, морозным воздухом, хвоей – и это неожиданно приятно, вопреки здравому смыслу.

Вдруг меня посещает совершенно неуместная мысль: как приятно было бы спать с ним в одной постели летом – это же живой кондиционер для белья! Всегда будет комфортно. Именно эта абсурдная мысль приводит меня в чувства окончательно. Я чуть отстраняюсь от него, краснея от собственной глупости. Морозко, кажется, только этому и рад – отпускает мои руки и отстраняется.

– Как зовут-то тебя, девица?

– Я Даша, – шепчу смущенно.

– Подбрось полено, Даша! – требует он, указывая на ледяной очаг перед нами.

– Да там же лед, – удивляюсь я, оглядываясь на конструкцию из прозрачных блоков.

– Не спорь, – упорствует Морозко, и голос звучит так серьезно, так непреклонно, что я понимаю: шутить он не намерен. – Просто бросай. Если я что прикажу, ты слушаться должна!

Звучит почти угрожающе. Замечаю, что брови у него сходятся на переносице, создавая суровую складку, и решаю не перечить – по крайней мере, пока.

Оглядываюсь и вижу, что у очага сложены – кто бы мог подумать – поленья, вырезанные изо льда, с искусной имитацией коры и сучков.

Морозко смотрит прямо на них и одобрительно кивает, давая понять, что я правильно поняла.

Все это кажется мне какой-то неуместной шуткой, абсурдом – как можно разжечь огонь из льда? Но вспоминаю про то, что этот мир пронизан первобытной магией, что здесь действуют другие законы, не те, что в моем двадцать первом веке. Поэтому тянусь за одним из поленьев – оно холодное, скользкое – и кладу его в студеный очаг.

В тот же миг ледяное полено оборачивается деревянным, как будто оттаивает прямо на глазах – кора становится шершавой, коричневой.

Замираю, не веря своим глазам.

Морозко шепчет мелодичное и древнее заклинание, глядя в очаг. И тут же в нем вспыхивает яркий огонь. Пламя лижет деревянное полено, потрескивает, разгорается все сильнее.

Холодный ледяной свет в тереме постепенно сменяется теплым оранжевым свечением огня, и сразу становится как-то уютнее.

Оглядываюсь по сторонам и шепчу, все еще не веря в происходящее:

– Оно тут все не растает?

– Не твое дело, девица, – отрезает Морозко, поднимаясь на ноги и отряхивая одежду. – Ложись в постель да спи, грейся. А мне дозором лес обходить пора.

Он смотрит наверх, и я следую за его взглядом.

На ледяной полке, высоко под потолком, сидит огромная белая сова с пронзительными желтыми глазами, похожими на два солнца в снежной буре. Это она клекотала то имя? «Морендар» – что это значит? Имя самого Морозко? Или что-то другое?

Сова распахивает широкие, мощные крылья почти в два метра размахом и топорщит перья, явно взволнованная чем-то. Мне кажется, что так она передает своему господину какую-то важную информацию, которую я не могу понять.

Морозко снова берет меня на руки – я вздрагиваю от неожиданности, но не сопротивляюсь: слишком устала для этого.

Мы поднимаемся наверх по ледяной лестнице, которая, как ни странно, совсем не скользкая. Каждая ступень светится изнутри холодным голубым светом, создавая ощущение, что мы поднимаемся по застывшему водопаду.

Спальня находится в просторной башне с высоким потолком. Пол застлан искрящимся снегом, который выглядит как мягкий белый ковер. Огромное, широкое, устланное белыми волчьими шкурами ложе целиком вырезано изо льда. Над ним склоняются тонкие ледяные деревца на манер полога, у них изящные ветви, покрытые инеем. А еще выше, сквозь прозрачный ледяной потолок, видно небо, по которому пробегает северное сияние – зеленые и синие волны света, танцующие в вышине.

В башне три больших окна, забранных тонкими, полупрозрачными, переливающимся в свете сияния серебряными занавесками, которые выглядят словно иней.

Замечаю, что башня возвышается над лесом – мы находимся над верхушками самых высоких елей. Отсюда, из этих окон, можно видеть все окрестности, каждое движение в лесу. Морозко именно этим и занимается, уложив меня на постель – стоит у одного из окон, напряженно и настороженно всматриваясь в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.